

Хам, или Детка, тебе не понравится

Автор:

Янка Рам

Хам, или Детка, тебе не понравится

Янка Рам

– Дерзить незнакомым особям мужского пола в безлюдных развалинах опасно для здоровья, барышня.

– Вы мне угрожаете? У меня дядя фсбшник, – уверенно вру я, задирая гордо подбородок. – Он Вас на кол посадит!

– На кол сажаю здесь только я...

Янка Рам

Хам, или Детка, тебе не понравится

Пролог

Хам

– «Этот мир не ждет гостей и детей своих не крестит...», – играет в моих наушниках.

И это действительно так. Гости нам ни к чему, от них одни неприятности. Вытаскиваю их наушники, чтобы лучше слышать звук вторжения. Уши для этого, конечно не нужны, но музыка отвлекает. Гул, с нарастающей вибрацией...

– Эй, красавчик, хочешь развлечься? – заигрывая, обходят меня две девицы развязные в похабных прикидах.

– Кыш... – продуцирую лёгкую волну паники. Не до вас!

Ускоренно стуча каблуками, скрываются за поворотом.

Прислушиваюсь снова. Судя по усилению звука, должно быть где-то здесь...

Сделав пару кругов по району, наконец-то улавливаю место, где звук нарастает.

Довоенных годов пятиэтажка, выстроенная колодцем, слепо пялится на меня разбитыми тёмными окнами. Под аркой, ведущей во двор, тускло горящий фонарь и на железной решётке табличка: «На реконструкции».

Заперто...

Обычно прорехи не возникают там, гделюдно. А чаще вот в таких местах. Недалеко от людей, но там, где их нет. Эта уже достаточно большая. Закрываю глаза. Внутри меня она звучит как нота Фа в контроктаве. Очень близко.

Фа – это плохо. Это обещает большие проблемы. Такая уже ближе к разлому, чем к прорехе. И если прорехи – это конторбанда, то через разлом и нелегалы могут протиснуться.

Уличная кошка, поджав уши, смывается подальше от этой вибрации. Кошки не хуже Стражей слышат как звучат раны нашей реальности.

Дотягиваюсь до телефона, чтобы вызвать дежурную группу. Но в глаза мне бросается тёмный силуэт, мелькнувший в окне второго этажа.

Чёрт... А вот и проблемы? Группа может и не успеть. Лови его потом... Придётся самому.

Расстёгиваю пиджак, чтобы можно было свободнее двигаться. Все окна на первом зарешечены. Подпрыгиваю, хватаюсь за нижнюю перекладину ржавой пожарной лестницы. Она со скрипом шатается под моим весом на своих давно разболтанных креплениях. И вот-вот рухнет. Меня окатывает волной адреналина. В ладони вливается ржавчина.

Не упала бы вместе со мной! Нужно было всё-таки позвонить, а потом уже лезть в пекло. А Фа – это стопроцентное пекло.

Рукава цепляются за ржавчину. Убью любимый костюм... Это по-любому. Я могу купить таких сто, но иррационально вырастаю в конкретный. Наверное, я однолюб.

Подтягиваюсь выше. Немного эквилибристики – и, встав ногой на ящик старого кондиционера, что висит под окном второго этажа, я оказываюсь на подоконнике. Спрыгиваю на пыльный пол разрушенной комнаты. Нет никого... Но едва заметные слепки женского силуэта считываются.

Фа звучит яснее. Принимаюсь. Гарью пахнет...

Закрываю глаза, позволяя органам чувств выйти за рамки тела. Меня оглушает информацией... Растекаюсь по поверхности стен, полов, щелей, словно трую кожей обо все неровности, разрастаясь во все стороны как фрактал.

Вот она – прореха! Здоровая, похожая на протёртую дыру в старых чёрных джинсах. Слепо двигаю в её направлении тело, которое ощущаю сейчас как нечто инородное. Как аватар в компьютерной игре.

«Ощупывая» выход из комнаты, выхожу из неё. Роняю своё тело на колени, концентрируюсь и возвращаюсь в него.

Передо мною старый шкаф с отломанной дверцей. Здесь.

Снимаю с пояса подходящую антифазу в виде крошечного стеклянного шарика. Сжимаю в пальцах, пока не лопнет. Хлопок! От оглушающей тишины слегка контузит. Под носом щеотно... Стираю рукавом кровь. Внезапно реальность нормализуется.словно инородная волна схлынула, и никаких искажений и не

было.

Поднимаюсь с колен. Отряхиваю брюки. Теперь – найти нелегала, если он прощелся сюда. А там уже по обстоятельствам – развоплощение или депортация. Поднимаю глаза... и, вздрогнув, застываю.

Девушка! Вжавшись в стену, зажимается, видимо, пытаюсь мимикрировать под обои.

Погружаюсь в её поле, измеряю потенциал.

– Да ты никакая! – с сомнением приглядываюсь к ней.

Как ты сюда пробралась вообще?

– Ты так-то тоже не слишком богичен, – кривит она губы. – На коленях тут ползал...

Я то как раз вполне себе «богичен»...

Делая пару шагов ближе, под возмущённый писк, перехватываю за шею, задираю пальцем веко и вглядываюсь в сетчатку.

Сопротивляясь, она испуганно лупит меня по рукам:

– Руки убери, скотина!

Впечатываю в стену, чтобы поубавить прыти. И пока она пытается очухаться, снова задираю веко.

Наша радужка... Местная, значит.

– Что ты здесь делала?

В её неумной головушке несутся образы. Здание... решётка... магнитный ключ... комнаты... комнаты... вид из окна на улицу... прореха!.. Её кисть,

погружающуюся в это плотное кислотное сияние... И как она достаёт с той стороны горсть чего-то...

Какого чёрта ты попёрлась в эти развалины?!

– И что с тобой, идиоткой, делать?

– Отпустите... – заикаясь.

– Теперь – не могу.

Глава 1 – Особь

Дашка

– Ты идёшь со мной.

Судя по тону, вопросительных и просительных интонаций природа ему не отсыпала. Как и тактичности.

– Никуда я с тобой не пойду!

Театрально закатив глаза, этот хам вынимает из кармана пиджака телефон. Не глядя, скользит пальцами по экрану. Подносит к уху, не сводя с меня давящего взгляда.

Растерянно кладу руку на ноющий от удара об стену затылок.

Вот это, Дарья, ты попала...

С какой целью, интересно, он заглядывал так настойчиво мне в глаза? Проверял зрачки? Подумал, что наркоманка? Откуда столько наглости? Мент, что ли?

Да и вообще, если выбирать из нас двоих, то на наркомана он тянет гораздо больше. Весь в чёрном – футболка, костюм, туфли. Прямо «Люди в чёрном»!

Хмыкает с усмешкой, словно прочитав мои мысли.

На пальцах вычурные кольца, на шее две цепочки с не менее вычурными медальонами. Навороченный широкий ремень с какими-то прибамбасами, совершенно не клеющийся в костюм. На кистях рук татухи...

Ведёт пальцами по ремню, подносит их к глазам, потирая друг о друга. Окидывает взглядом себя ниже пояса.

– Какой ещё, к чертям, клей?

Точно больной...

– Ёж, ну наконец-то! До тебя пока дозвонишься... Может, меня бесы уже расчленили! – сварливо.

Не сводя глаз с неадекватного, настороженно и медленно двигаюсь вдоль стены на выход. Надо линять. И вообще... Чтобы я ещё раз повелась на уговоры Марты Захаровны...

На эту авантюру меня уговорила пожилая хозяйка квартиры, комнату в которой я снимаю. Забыла она, понимаешь ли, в своей старой квартире документы на бриллиантовую брошь в тайнике в платяном шкафу. И обещала мне: если найду, то жить буду у неё бесплатно до конца пятого курса. Но никакого тайника я так и не нашла. Обычный шкаф...

Мужчина, не меняя позы, говорит по телефону:

– Девицу надо принять... Вроде наша. Но контакт был. Стащила что-то... Мхм...

Точно мент.

– Эй, – разворачиваюсь я уже в дверях. – Ничего я не стащила, понял? Меня бывшая хозяйка квартиры попросила тут одну её вещь поискать. Я не нашла.

Засим откланиваюсь!

– «Эй»? – разворачивается он, повторяя мою интонацию и претенциозно поднимая бровь.

– Ну как Вас там? – пожимаю плечами. – Уважаемый, достопочтимый, любезный сударь...

Как головой об стену бить – это нормально, а «эй!» его, видите ли, покорило!

– Дерзить незнакомым особям мужского пола в безлюдных развалинах опасно для здоровья, барышня.

– Вы мне угрожаете? У меня дядя фсбшник, – уверенно вру я, задирая гордо подбородок. – Он Вас на кол посадит!

– На кол сажаю здесь только я, – тон голоса уходит вниз, превращая окончание фразы в рычание. – Подойди.

Ну сейчас, ага! И только я собираюсь метнуться по разрушенному коридору на лестницу, чтобы наконец-то смыться от этого припадочного, как ноги мои врастают в пол.

– Подойди, – повторяет он. – Старый я уже за девками бегать. А за глупыми – так и вообще желания не имею.

– Я – умная!

– Не заметил.

– Хамло!

Ноги, не подчиняясь, делают к нему пару шагов.

Обмираю от ужаса. Это что ещё за спецэффект моей физиологии? Упираюсь что есть силы, но делаю ещё один шаг к нему.

– Ну что ж так вяло? – раздражаясь, подходит сам, не церемонясь, подхватывает меня под локоть и тащит к лестнице.

От возмущения теряю дар речи. Быть может, и к лучшему. Потому что всё, что несётся в моей голове про этого мужика, имеет порногейский оттенок с ним в пассивной роли. А «дерзить незнакомой особи»... Тут я запомнила, да. И даже согласна.

– Ну и вкусы у тебя, – цокает языком, кривясь от отвращения.

Мысли он, что ли, читает?!

– Отпустите немедленно!

Спотыкаюсь на лестнице. Подхватывает за шкурку, практически как котёнка. Возвращает в вертикаль и снова тянет вниз.

Останавливаемся под аркой.

– Давай ключ.

– Какой ещё ключ?

– Магнитный.

Осмотрев меня, снова не церемонясь ныряет рукой мне в задний карман джинсов. Оказываюсь прижата к нему. Его рука шарится по моей заднице.

А вот пахнет он богически, надо признать... По-мужски тяжело и внушительно. Никаких сладостей и свежестей. Амб, кора, кожа, дым!.. Демонюга какой!

Опомниться не успеваю, как ключ оказывается в его руке.

Останавливаемся у дороги перед разрушенным домом. Оглядываюсь в надежде увидеть прохожих и закричать.

– Итак, что ты вынесла оттуда?

Держит чуть повыше локтя, так сжимая пальцами, что точно останутся синяки.

– Я же сказала... Да и вообще, не Ваше дело! Вы не имеете никакого права!

– Прогрессируешь: на «Вы» перешла...

Что там надо делать при самообороне? Как вырываться?

Прокручиваю пару мутных картинок из воспоминаний. Но никак не могу их интегрировать в реал. Не могу представить, что этой самоуверенной особи можно как-то чувствительно влить! Глаз, может, попробовать выткнуть?

С сомнением смотрю в его серый равнодушный глаз. Который синхронно со вторым опять театрально закатывается. Терпеливый вздох...

А дальше становится конкретно не до шуток, потому что менты в чёрные фургоны своих «клиентов» не «принимают». А именно такой фургон и подъезжает к нам. Массивная дверь сдвигается в сторону.

– Вперёд...

От вспышки паники во мне неожиданно появляются силы и решительность. И, совершенно не планируя, я разворачиваюсь к нему лицом и засаживаю ему коленом в пах. Только успеваю заметить судорогу боли на лице и срываюсь с места бегом в противоположную от фургона сторону.

Пока кто-то совершенно неожиданно не выключает ток в моих проводах.

Оседаю и отключаюсь...

Глава 2 – Хам

Дашка

– Значит, Дарья Любимова... – разглядывает мой паспорт.

Большая комната, похожая на учительскую. Под потолком огромный квадратный плафон.

У стены кожаный диванчик, над ним карта Питера... А на столе его рельефная уменьшенная копия.

Мой взгляд упирается в высокий пик Лахта Центра. Он словно эрегированный член поднимается над городом. И какой-то он... инородный. Как будто на член натянули зеркальный презерватив. И в своих мыслях я его стягиваю. С щелчком зеркальной резинки. Смачным таким. Чпок! Член, покачнувшись, приобретает естественную форму и цвет. Капля смазки блестит на пике головки.

Мой пленитель цокает языком, чуть заметно закатывая глаза.

– Вот, что в голове у человека, а?..

– Хам, – заглядывает художавый очкарик. – Вам пиццу заказать?

– Гавайскую.

– Хам... Как филигранно Вам подобрали прозвище.

– Это имя.

– Хам?!

Строго стучит по столу ручкой. Кладёт мой паспорт.

– Как ты там оказалась?

– А вы кто? – рисую пальцем, обводя комнату. – Ну вот это всё... Что за организация?

– Вопросы задаю я, ты – отвечаешь.

На основании того, что меня не прибили после удара в пах и даже налили кружку чая после обморока, решаю, что можно умеренно показывать характер. И, сложив руки на груди, упрямо молчу.

– Ты меня, Дарья, утомляешь, время моё тратишь, а я человек занятой.

Дверь открывается. Дамочка на шпильках с вываливающимися из выреза сиськами склоняется перед... Хамом, ставя на Финский залив поднос с дымящейся кружкой.

– Спасибо, Пикс, – застревает на мгновение его взгляд на сферах четвёртого размера.

Чувствую лёгкий укол ревности. О, нет! Не потому, что Хам мне интересен, а потому что я очень уступаю своими формами этой Пикс.

Она отворачивается, демонстрирует такую же роскошную каплеобразную задницу при тончайшей талии.

Эх...

Я скорее спортивна, чем фигуриста. Поэтому люто завидую таким вот девицам. Да и подавать себя так я совсем не умею. Ну не всем же быть вамп?

Опускаю взгляд на свой скромный второй с половиной, уменьшенный до двоечки спортивным бюстгалтером и спрятанный под свободной футболкой.

Представляю, как они наливаются до пятого размера, растягивая футболку. Ну нет... Пятый точно перебор! В мыслях лопаю иголкой оба раздутых шара, возвращая их в обычный размер – чпок, чпок...

Бровь Хама саркастически ползёт вверх. Поджимает губы.

– Что? – подозрительно прищуриваюсь я.

– Что ты делала в шкафу? – склонив голову набок, внимательно смотрит мне в глаза.

Вспоминаю, как выдвигала ящики в поисках тайника. А потом в глазах потемнело и замелькало... Почувствовала запах горелого. Такой знакомый... с оттенком серы... словно от зажжённой спички. Ассоциации улетают куда-то в реалии уроков химии. Химию я всю пропустила подчистую, так как сидела с мальчиком, в которого была по уши...

– Не отвлекайся. Что ты вытащила из марева?

– Какого ещё марева?

– Ты засунула руку в мерцающее марево и вынула оттуда сжатый кулак. Что было в нём?

Вспоминаю, как помутилось в глазах, и я по инерции шарила по задней стенке шкафа рукой. И была она какая-то странная наощупь – горячая и сыпящаяся.

– Ну?.. – стимулирующе.

– Опилки? – саркастически дёргаю бровями. – Что можно вытащить из сыпящегося пустого шкафа?

– А ну-ка, быстро сконцентрировалась! – хлопает ладонью по столу так, что кофе выплёскивается из кружки на поднос.

Вздрагиваю.

– Ты открываешь ладонь, смотришь на неё... Что там?

Открываю ладонь, тупо смотрю на неё...

– Линия жизни?

– Весьма короткая, Дарья!

– Да нормальная вроде как.

– Ёж!

Возвращается парень в очках.

– Обыщи её.

– Только тронь! – предупреждающе смотрю на него.

Но он просто осматривает меня издали.

– Нет ничего.

– Плохо... – нещадно кусает свою губу Хам.

И я тоже чувствую, что вдруг всё становится опять плохо.

Заходит ещё один. Немолодой коренастый киргиз в тюбетейке. Присаживается рядом с Хамом.

– Куда велите её депортировать? – бросает на меня взгляд, протягивая ему планшет.

Ещё несколько человек толпятся в дверях, включая очкарика и Пикс.

– Так как артефакт не обнаружен, по протоколу мы обязаны её депортировать туда, откуда она его стащила. Чтобы вернуть всё на свои места. Фа в контроктаве.

Киргиз печально вздыхает.

– Нижний. Да-ад. Она ж не выживет...

Хам с досадой смотрит на меня.

– Я не могу этого изменить. Поэтому нечего и думать. Открывай разлом.

Всё это словно 3D фильм. Увлекательный и пугающий. Никак не могу уразуметь, что речь, вообще-то, обо мне.

– Подождите... В каком смысле «депортировать»? Это про меня?

– Анвар, проинструктируй её. И давайте... Где пицца моя?! – раздражённо встаёт и отворачивается.

Растерянно поднимаюсь тоже. Лицо Анвара испещрено сухими морщинами. Он с сожалением смотрит мне в глаза.

– Да-ад – срединный в нижней семёрке. Суточный перепад температуры девяносто градусов от – 45 до + 45 по Цельсию. Содержание кислорода снижено, серы и углекислого – повышено.

Включает на планшете видео, пододвигает мне.

– Местная фауна...

Боковым зрением вижу на планшете какую-то двигающуюся тварь.

– Я хочу домой, – пытаюсь поймать взгляд Хама, меряющего шагами кабинет.

– А надо было сидеть дома, а не шариться по развалинам! А теперь внимательно вникай, Дарья Любимова. Иначе пиздец тебе там в первые же сутки!

Но в моих ушах шумит, я не слышу негромкого голоса Анвара. И только ловлю и ловлю взгляд Хама. А он не смотрит на меня.

Сердце бьётся гулко. Меня окатывает горячими волнами животного ужаса.

– ...Стратегия выживания женщины – добровольное рабство у ассира. Они набирают гаремы.

– Что?

– Но лучше в сексуальных утехах проявлять максимальную сдержанность, так как высшей формой проявления страсти у ассуров является каннибализм. То есть перевозбудившись, он просто тебя сожрёт.

– Что?!?

– Средний срок выживания – пять земных лет. Но есть и долгожители. Несколько наших там живут уже более двадцати.

Собрав в горсть несколько разноцветных стеклянных шариков, Анвар давит их в ладони. Меня контузит от низкого однотонного звука. Стена начинает как будто течь, превращаясь в цветную жидкость.

– Иди в марево! – давит тяжёлый властный голос Хама, которому снова невозможно сопротивляться.

Делаю пару шагов. Всё внутри меня истерит и сопротивляется.

НЕТ!

Выставляю вперёд руки, сжимая зубы. Ни за что!

Давление нарастает, в моих глазах темнеет! Там, за пеленой, я вижу жилистый, неестественных пропорций силуэт. И... отключаюсь, падая снова в спасительный обморок.

Глава 3 – Добрый

Хам

Рухнув как подкошенная, девчонка бьётся головой об пол. Морщусь... С головой у неё и так не в порядке, судя по обитающим там мыслеобразам.

– Закрывай, Анвар.

В разлом нельзя провести или пропихнуть. Только войти самому. Но стражи модифицированы артефактами. И у каждого есть суггест, подавляющий волю. Мой заключён в кулон. Но только вот толку от него, если объект воздействия в отключке?

Анвар достаёт нужную антифазу, давит в пальцах стеклянный шарик. Хлопок – и марево развеивается.

– Хам... – вздыхает Пикси. – Может, что-нибудь придумаем с ней?

– Что придумаем?

– Ну есть же какие-то лазейки.

– Какие?

– Ну... нас же всех Вы оставили.

– Это другая ситуация. Вас я оставил, потому что те артефакты, с которыми у вас был контакт, трансформировались в ту или иную сидху, способность, которая может быть использована при защите границы, – объясняю очевидное.

Не только поэтому на самом деле. Но это единственная официальная лазейка.

– Быть может, тот артефакт, что стащила она, тоже активируется, – Пикс...

– Не факт, что он вообще был! Тогда можно её не депортировать, – Ёж...

– Был...

Потенциал моего измерения изменился, я чувствую это физически как изменение климата.

– Ваша Светлость, давайте ещё раз прошерстим развалины. Может, он там?

– Прекратить базар! – строго смотрю на своих тунеядцев.

Мда... Депортировать своих (если это можно назвать депортацией, скорее уж, ссылкой) нам приходится нечасто. Честно сказать, депортировать выглядящих настолько непросвещёнными в мироустройстве – второй раз. Первым был Ёж – программист-задрот, которому не повезло оказаться не вовремя не в том месте. Намерения совершить контакт у него не было никакого. Он банально вхерачился на мопеде в тачку нелегала, который пытался смыться от меня. Влетел к тому в лобовое. И... в их сладострастном танце сломанных тел произошёл контакт с одним из артефактов. Артефакт принадлежал Мэрдоу, второму миру в нижней семёрке. Его прогноз выживания был – часа три. А если учитывать перелом грудной клетки и обеих рук... Я пожалел его, да. Бывает за мной такой вредный в моём деле косяк. Но в итоге не прогадал, получил в сотрудники очень полезную функцию.

– Быть может, у неё проявится теперь какая-то полезная сидха? И Вы сможете предложить ей договор, чтобы она могла остаться с нами...

– Я согласна на договор! – распахивает свои янтарные очи болезная.

– Я его не предлагал.

– Предложите! Я не хочу к ассурам! Я хочу к Вам!

– Детка... тебе не понравится, – честно предупреждаю я, опасно прищуриваясь.

– Я умею много всего полезного! И эти... – щёлкает она пальцами, – сидхи? Они обязательно проявятся.

Мда? Подхожу ближе и разглядываю её сверху. Светлые волосы рассыпались по полу в форме нимба.

Ну-ну...

Всматриваюсь в глаза, пытаюсь уловить там мыслеобразы. Но кроме жонглирования очищенными мандаринами и неловкого пируэта на пилоне в её голове пусто.

– Очевидно же – бестолочь, – с сомнением опять пытаюсь поймать хоть что-то адекватное в её мыслях.

– Ваша Светлость... Хам... Девчонка же совсем... – бормочут вразнобой мои за спиной.

В её мыслях только я, и у меня отрастают рога и козлиная борода.

– Тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

– Девятнадцать лет человеку... – качаю я саркастически головой.

Присаживаюсь.

– Ты думаешь, в рабстве у меня слаще, чем у ассира? Ты думаешь, проживёшь здесь дольше, чем там? Или ты думаешь, что я тебя не сожру?

– Если уж меня будут жрать, то пусть в умеренном климате родного Питера.

– Хм... веско!

– Так что?

Нахалка...

– У тебя есть неделя на активацию сидхи. Не выстрелишь – вэлком в Да-ад.

Пытается приподняться. Не позволяю, давя ладонью на лоб.

– Эй!

– «Эй»? Меня зовут Хам. Можешь обращаться: «Ваша Светлость».

Достаю из кармана «аркан». Бросаю ей на шею. «Аркан», превратившись на мгновение в маленькую змейку под её испуганный писк, оборачивается вокруг шеи и прикусывает себя за хвост. Отбиваю её руки, пытающиеся стряхнуть с себя удавку. Змейка становится тонким кожаным ошейником. Всё.

– Твой периметр – десять метров. Отойдёшь дальше – он начнёт тебя душить. Чем дальше, тем сильнее. Тридцать метров – и ты труп. Усвоила?

Шокированно хлопая ресницами, кивает.

– Подъём.

– Хам... пиццу привезли.

– Отлично! Я дико голоден.

Хищно щёлкаю на новенькую зубами. Приподнявшись на локтях, отталкивается пятками от пола и отползает на полметра дальше.

Это правильно. Не надо расслабляться!

Чувствую запах сыра, курицы и ананасов. Сглатываю слюну.

– Все вон.

Новенькая, пошатываясь, идёт мимо моего стола с открытой коробкой пиццы.

– Ваша... как там Вас... Светлость. Можно стащить кусочек? Я тоже дико голодна.

– Возьми и убирайся.

– В смысле – помыть окна или в смысле – постоять за дверью на расстоянии десяти метров?

– В смысле «ВОН ОТСЮДА». Пока не позову.

Нахально прихватывает по куску в каждую руку и, виляя задницей, ретируется за дверь.

Что-то я сегодня добрый...

Глава 4 – Пьедестал

Дашка

Как только дверь в «учительскую» Хама закрывается, мне сразу же становится легче дышать. Поправляя удавку пальцами, обвожу глазами застывшую троицу, с любопытством взирающую на меня. Откусываю кусок пиццы и, почти не жуя, проглатываю.

«Боже, блять... – поднимаю глаза к небу. – Я была в секунде от сексуального рабства в аду? За что ты меня так? Я же практически невинна!»

Быть может, за то, что ты материшься, когда обращаешься к нему, Любимова?..

Не... не верю. Не может быть он настолько мелочно мстительным. Мужики великодушны в своей массе. Даже эта хамоватая сволочь позволила мне угоститься своей пиццей.

В углу приёмной выложенный камнем небольшой бассейн. Над водой поднимается мясистая антенна с улиточным глазом, похожим на теннисный шарик. Выразительно моргает. Быть может, даже подмигивает. Имея в обозрении только один глаз, этого точно не определить. Жаль, что ущипнуть мне себя нечем. Обе руки заняты пиццей.

– Я же не сплю? – бросаю подозрительный взгляд на троицу.

Три головы синхронно качаются из стороны в сторону. Рассматриваю эти замечательные головы более внимательно. Они меня спасали. Я очень ценю!

Ёж...

Худющий, сутулый очкастый задрот с ёжиком на голове. Лет двадцати. Геймер, наверное. Но глаза за толстыми стёклами человеческие. Сочувствующие такие глаза.

Анвар...

Пожилой, то ли с восточной, то ли с северной внешностью и манерами. Прямо хватай и беги с ним пить чай в чайной юрте, говорить о шаманах и искать соль жизни в его мудрых задумчивых глазах.

Пикси...

О, тут всё понятно, почему он её оставил... Я его очень даже понимаю. Над ней не хватает неоновой надписи мужского восхищения: «Ябывдул!» Был бы у меня член, я бы тоже оставила именно её. Помимо обозначенных выше выпирающих достоинств ещё и:

...миловидное лицо в форме сердечка...

...пухлые чувственные губы в форме того же органа...

...миндалевидные глаза, томно взирающие на этот мир...

...нос с легкой горбинкой...

...пошленькая шербинка между идеально белоснежными зубами.

Обнять и трахать. Но так и быть, я прощаю ей её сексапил! Она просила за меня. Вот что значит – прекрасная душа. Вопреки расхожим мнениям насчёт женщин с

роскошной внешностью. Но вряд ли Хам оценил её именно за душу. Думаю, первая моя версия таки реальней, хоть и прозаичней.

В голове проносится пара картинок, как Пикси насаживается на член Хама, там, у него в кабинете. И её огромная грудь покачивается.

– Отключите кто-нибудь эту озабоченную, я ем! – рявкает Хам через приоткрытую дверь.

– Что ему надо? – приподнимаю я бровь.

Многозначительно переглядываются...

Доедаю под пристальными взглядами один кусок пиццы, чтобы освободить руку.

– Ребята... – прикладываю её к сердцу. – Спасибо! От всей души. А где я вообще?

Несмело подхожу к окну. Поднимаю рольштору.

– Тихо! – перехватывает мою руку Ёж, спасая от столкновения локтя с кактусом. – Этим не стоит колоться. Он в некотором роде ядовит.

Отдёргиваю руки, выглядываю в окно.

– Вау... Красиво.

Ночной вид на Дворцовую набережную, Неву и Троицкий мост. Примерно прикидываю, какой именно дом стоит на этом месте. И не могу припомнить.

– Можно выйти на балкон?

– Я бы не рисковал, – сдержанно улыбается мне Пикси. – Дом в аварийном состоянии, перила сыпятся.

Глядя в окно, доедаю второй кусок пиццы. Жаль, что кружка с моим недопитым чаем осталась в учительской. Удовлетворюсь горячей водичкой из кулера. А то

мало ли... Вдруг он передумает?

Оглядываюсь, рассматривая большую гостиную.

У меня тьма вопросов! Настолько много, что не имеет смысла начинать задавать.

Троица разбредается по своим делам. Анвар и Ёж уходят. Пикси садится за свой секретарский стол и погружается в монитор.

Мысленно прикидываю, где заканчиваются мои десять метров. Вот ровно за стоящей в центре большой инсталляцией плоской земли. За дверь мне не выйти...

Решаясь проверить, как работает мой ошейник, подхожу к инсталляции. Прижав руки к шее, делаю шаг в сторону двери. Никакой реакции. Радостно делаю ещё пару шагов и с ужасом взвизгиваю, как только эта гадина на шее, шевельнувшись, прихватывает меня туже.

Не глюк, значит... Хочется побиться в истерике, покричать «за что?» и поискать управу на всё это безобразие. Но... я, наверное, так не умею. Да и устала я сегодня биться то об асфальт, то об пол.

В приёмной три двери. Одна – выход/вход, вторая – в учительскую, третья, по всей видимости – в уборную. В дальнем углу. Явно больше 10 метров от Хама. Но мне туда нужно.

Пару раз стукнув в дверь учительской, приоткрываю. Хам маркером рисует на своём окне.

– Чего тебе? – не оборачиваясь.

– Не могли бы Вы... немного увеличить нашу дистанцию? Мне нужно в туалет, а я слегка... хм... не дотягиваю...

– Нет. Потерпишь. Закрой дверь.

И что я с его точки зрения должна потерпеть – нужду или удушье?

Придётся всё-таки удушье...

Захлопываю дверь. Чтоб тебе, зараза, карма врезала тем же по тому же месту! Представляю, как оно могло бы выглядеть в какой-нибудь мужской интерпретации. И рисуется мне эрекционное кольцо, туго стянутое на его мошонке. Да... Вот так было бы здорово. Попробуй пописать с ним!

Дверь распахивается. Экстренно отлетаю чуть дальше, чтобы мне не припечтало.

– Иди, – тихо рычит Хам.

– Куда?

– В... – сжимает губы, явно проглатывая пару матов, – ... туалет.

В его голосе опять нечто, что минуя мой волевой центр, отдаёт команду непосредственно в конечности. Но в этот раз я и не думаю сопротивляться. Приказ – как хороший порыв ветра в мою спину. И я бегу в уборную. Быстренько сделав там всё, что мне было нужно, возвращаюсь обратно.

Сложив руки за спиной, Хам смотрит в окно. На плече разводы от извёстки.

– Светлость... Вы пиджак испачкали, – отмечаю я.

Не оборачиваясь, скидывает пиджак. Проходя мимо Пикси, вальяжным движением бросает на кресло. В котором, кстати, планировала угнездиться я. Эх...

Уходит обратно к себе.

Пикси, стуча каблуками, несёт ему новый пиджак, вынутый из зеркального шкафа-купе. В этот раз – светло-серый.

С досадой рассматриваю в зеркало ссадину на скуле. Встречаюсь взглядом с вернувшейся из учительской Пикси. Сочувственно вздыхая, она достаёт аптечку

и протягивает мне.

Золотой человек!

Сжав зубы, протираю ссадину мирамистином. Сверху – бежевый пластырь. Чёрт... Глаз немного затёк.

Пикси достаёт мне из холодильника холодную баночку пепси.

– Приложи...

Ну всё. Моё искреннее обожание куплено. Так уж вышло, что по заботе обо мне за последний год она за этот несчастный час побила все рекорды. На втором месте – Анвар с Ежом. Они тоже просили за меня. И третье на спортивном пьедестале побед занимает сам Его Светлость Хам, с его выгулом меня до туалета.

Да... Мир вокруг меня не слишком заботлив! Но что же делать?..

Обнявшись с баночкой пепси, сажусь в мягкое большое кресло и закрываю глаза...

Глава 5 – Чемодан без ручки

Хам

Глядя на карту города, расфокусирую взгляд. Раздвоившись, карта приобретает объём. Цветные потоки энергии струятся по улицам и каналам города.

Питер – это врата. Самые тонкие границы. Особенно Васильевский. Первый кордон. Раньше здесь были гиблые болота... Место выхода разнообразной нечисти. И Пётр, как первый «смотрящий», построил здесь город-крепость. Теперь этот город мой. И что-то не так с моим городом. В его вибрациях диссонансы. Энергия вспыхивает и развеивается в самых неожиданных местах.

Неужели девчонка внесла столь сильный резонанс? Или история с ней – отвлекающий манёвр? В это верится больше.

Нужно отпустить всех отоспаться, и завтра – в рейды. Искать, где город звучит на нотах контроктавы. Приходящие оттуда – самые опасные. Но и остальных нужно не пропустить.

Устало протираю глаза. Сажусь за монитор, перелопачиваю очередную порцию лиц города. И пытаюсь найти какой-то отзыв внутри себя хотя бы на одно из них. Пусто...

Быть может, я вообще не отсюда. Зачем я смотрю на эти лица?

Но не появился же я ниоткуда. Кто-то же должен был быть ДО всей этой истории? Но моя память начинается лет семь назад уже в реальности «смотрящего». А до этого – пустота...

Анвар утверждает, что память сердца стереть нельзя. Но обычная стёрта, да. Для беспристрастности. Думаю, изменена и внешность, чтобы не беспокоили узнающие меня люди.

Зачем я смотрю на лица? Разве мне нужен кто-то?

Нет... Мне не нужен никто. Никаких близких связей.

Кручу амулет – кольцо на большом пальце. Абстинет. Блокирует любые попытки влезть мне под кожу.

Но какое-то грызущее чувство ответственности периодически толкает меня к монитору. И я вновь вглядываюсь в лица горожан, ища в себе отзывы на них.

Пролистав пару дюжин, закрываю. Накидываю пиджак. Открываю бар. Там у меня только одна бутылка хорошего коньяка, всё остальное забито резонаторами. Заменяю на ремне несколько потраченных шариков. Выхожу, прикрываю за собой дверь.

Нахалка спит в кресле. В расслабленной кисти – баночка пепси. Вот-вот выскользнет из пальцев.

Свалился на мою голову этот чемодан без ручки... И бросить жалко, и нести тяжело. Ладно... посмотрим. Может, чем и пригодится.

И только собираюсь пару раз хлопнуть в ладони, чтобы привести её в чувство, как баночка выскальзывает и хлопается об пол. И... сука, взрывается! Окатывая меня мощной струёй сладкой пены до колен.

– Ёбанный в рот!! – рявкаю я в бешенстве.

Мокрые брюки липнут к ногам. Поднимаю разъярённый взгляд на виновницу происшествия. Сонно хлопает глазами, сжимаясь в кресле.

– Сори... – прикусывает губу.

– Встать.

Послушно выбирается из кресла.

– Вперёд.

Держась за старые перила, спускается вниз.

Обгоняю.

– Я надеюсь, за испорченные брюки не казнят? – в спину.

– Надейся.

В её мыслях, судя по всему, я веду её вниз, чтобы надеть на шею верёвку с камнем и притопить в Неве. Неплохая мысль. Не стану разубеждать, пусть пострадает.

По каменной лестнице спускаюсь к берегу. У пристани мой катер. В какой-то момент ощущаю – что-то не так. Вторая половина удавки крепко охватила моё запястье, повторяя действия той, что у неё на шее. Разворачиваюсь.

С мучительным выражением лица застыла наверху лестницы. Метров пятнадцать до меня. Пальцы бесполезно скользят по шее.

– Ну и?

Закрывая глаза, прислоняется к каменной стене. В её голове тёмная беспокойная вода.

– Мне долго ждать?

Оседают, присаживаются на ступеньку, тяжело и надсадно дыша.

Зараза упрямая! Делаю пару шагов от неё, увеличивая дистанцию. Поводок сжимает мою руку ещё туже. Вижу, как закатываются её глаза. И, слепо шаря руками, она начинает отключаться.

– Идиотка...

Психуя, ускоряюсь ей навстречу. Присаживаюсь, ловя её голову над каменной ступенькой. Светлые волосы рассыпаются по моим рукам. В голове неясные образы...

Вода, накатывающая на лицо и заливающая глаза. Мелькающие перед лицом детские руки. И лодка в нескольких метрах...

– Тонула, что ли?

Молчит, растирая горло и с горечью глядя на воду. В мыслях какой-то мужик, вытаскивающий её из воды.

– Я задал вопрос.

– Отчим учил плавать...

– С лодки скинул?

– Мхм...

– Ладно, болезная, пойдём. Мне тебя скидывать никакого профита. Домой поедем. Спать. Утомила ты меня – сил нет.

– На этом? – с опасением смотрит на катер.

– Боишься?

– Боюсь.

– Страх... это всего лишь система безопасности. Сигнализация. Которая срабатывает во время опасности. Отключай свою сигнализацию. В новой версии твоего мира бояться придётся других вещей. Я тебе её перенастрою.

– Других – это каких?

– Например, выбесить меня. Потому что из воды, допустим, я тебя по-любому вытащу. Даже если катер решит вдруг кануть в Неве. А вот если... Мои солдаты должны бояться только меня. Мысль ясна?

– Ясна.

– Ну, давай тогда, вперёд.

Неплохо держится для фобии! Пока мы идём до катера, внутри себя она мучительно тонет раз двадцать и раз десять задыхается от удушки, отказавшись сесть на мой катер.

Но дефективным у нас не место. Пусть борется.

Запрыгиваю внутрь первым. Так и быть, протягиваю ей руку. Заслужила!

Ладони у неё ледяные и мокрые. Но всё это никак не отражается на её лице. На нём привычно-похуистичное выражение. И только когда катер неустойчиво дёргается под её ногой, она вскрикивает, взмахивая второй рукой. Не отводит глаз от воды. Застывает...

– На меня смотри.

Встречаемся взглядами. Не моргает. Её глаза – как застывшая отполированная смола. А всё равно залипаешь. Необычный цвет. Тяну на себя. Ещё одно её усилие над собой... и подхватываю за талию.

Хватит, пожалуй, на сегодня подвигов. С меня. Надавливаю на её лоб пальцем.

– Спать...

И она тут же отключается. Аккуратно усаживаю на мягкое кресло. Оттягиваю удавку, под ней красная полоса. Синяк будет... Внутри неприятно сводит. Порча имущества, всё-таки.

Завожу катер, выруливаю в сторону залива. Домой...

Глава 6. Маньяк. Сексуальный

Дашка

– Дарья... – чувствительный шлепок по щеке.

У меня два ебанутых брата. Один младше на год. Второй – на два. Мать решила отстреляться залпом. А если у тебя два младших брата примерно твоего возраста, с которыми ты жила в одной комнате, то рефлекс у тебя соответствующие. Поэтому, ещё полностью не придя в себя, я леплю ответную оплеуху. Наотмашь.

И тут же подскакиваю в ожидании привычного замеса. Но... не соответствующий ситуации голос возвращает меня в реальность.

– Блять!

Хам! Ооо...

– Я тебе руки вырву.

Это не звучит как пафосный фразеологизм. Это звучит как обдуманное решение. Извещение, так сказать.

– Ваше... как там Вас... – хриплю я испуганно.

– Светлость, – оскаливаясь.

Прижимает ладонь к щеке, водя нижней челюстью. Глаза пылают так, что мне кажется, сейчас вытекут и прожгут каменный пол.

Рука у меня тяжёлая, несмотря на мнимую хрупкость. И ладонь ощутимо горит от жаркой встречи с его щекой.

– Про-про-стите... – заикаюсь я. – Рефлекс...

Отнимает руку от щеки. Там красное пятно.

– Надо что-то холодное приложить, – сглатываю ком в горле, больше похожий на небольшого ежа, под его свирепым говорящим взглядом – что и куда он желает мне приложить. Делаю пару шагов назад и упираюсь спиной в каменную стену.

Кстати, где я?

Так как дать мне сдачи он не спешит, оглядываюсь. Отведённый от залива канал метра три в ширину и тридцать в длину, уходящий во что-то типа... гаража? Или как там это называется для лодок? Мы в самом тупике. Помещение, и правда, похоже на гараж. Его катер привязан... На руках меня, что ли, с него вынес? Ну,

блять, мерси!

Ты неудачница, Любимова. Сам Хам носил тебя на руках, а ты всё проспала. Уверена, что кроме, быть может, Пикси, такие плюшки от него никому не прилетали.

Пытаюсь представить Пикси у него на руках. Немного не рисуется. С её-то ростом под метр восемьдесят...

Хам недовольно морщится. Рубашка на его груди колеблется, и ноздри подрагивают от едва сдерживаемого раздражения и гнева.

– Вперёд, – кивает мне на винтовую каменную лестницу вверх.

– А что там?

– Пытошная, – со злым сарказмом.

– Пытошная – это как «булошная»? – переставляю ноги по ступеням.

Приторно пахнет влажным камнем...

– Пытошная – это как...

Поднявшись на оборот винтовой лестницы, застываю.

– ...пытошная.

Потому что... это чудовище не шутит. Вот это, кажется, называется дыба, а вот это... какой-то там сапожок... Испанский? А дальше, в тёмном углу – большая клетка... Там кто-то шевелится...

С колотящимся сердцем начинаю пятиться. Вниз на ступеньку... Ещё на одну. Упираюсь спиной в его грудь.

– В чём дело? – недовольно мне в ухо.

В чём дело?! Нахрена кому-то держать в доме такое? Он что – маньяк?

Чувствую спиной его горячую рельефную грудь. Его кружащий голову запах... Если у меня получится его сейчас вырубить... как сбежать отсюда? Если вниз – вода, а вверх – вот это вот всё?!

– Если ты ещё раз меня ударишь... клянусь – выпорю. Буду пороть розгой, пока твоя задница не треснет.

– Я туда не пойду.

– Тебе на этаж выше.

Обгоняя меня, идёт вверх первым. Исчезает из виду. И через некоторое время удавка мне напоминает, что эта сволочь уже слишком далеко. Быстро бегу по ступенькам наверх. На этаж выше – площадка. На ней стоит кадка с пальмой у окна. Выглядываю. Залив... Других домов не видно. Как далеко мы от города? Напротив окна две двери. Какая?..

Это напоминает ребус на логику, когда нужно выбрать, в какую из дверей безопасно войти. И если ошибёшься, то тебя съест дракон. Итак, за какой из дверей дракон?

– За обеими, – открывает он дверь, видимо приглашая меня внутрь.

– Ты мысли читаешь?!

– «Вы». Нет. В твоём случае – к счастью.

Огромная круглая комната... Нет, не круглая... В виде спиральной галактики. Метров сорок, не меньше. Панорамные окна... В центре большая круглая кровать.

– Кухня... – указывает в левый рукав галактики. – Ванная... – в правый.

Глядя мне в глаза, рывками расстёгивает рубашку.

– Натворишь какую-нибудь херню – я за себя не отвечаю.

Рывок за пряжку ремня – и брюки с его талии падают к ногам. Сложён ничего так... Мой взгляд застывает на его трусах. У него, интересно, такой большой или просто слегка напряжённый? Потому что выглядит внушающе. А в моём случае – так и вообще устрашающе. А если он встанет, как положено? Боюсь, сможет трахнуть самого себя в пупок!

Любимова... ты в себе? Это же Хам, а не просто образец зачётного самца, на которого можно облизаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ram_yanka/ham-ili-detka-tebe-ne-ponravitsya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)